

Д. М. Буланин

ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), Санкт-Петербург, Россия dmitriibulanin@yandex.ru

СУДЬБЫ ДРЕВНЕРУССКОЙ КОРМЧЕЙ В XIV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.
(Корогодина М. В. Кормчая книга в Галиции: (XVI – начало XVII века). СПб.: Библиотека Российской Академии наук, 2015. – 194 с.; Корогодина М. В. Кормчие книги XIV – первой половины XVII века. В 2 т. Т. 1: Исследование. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2017. – 598 с.; Т. 2: Описание редакций. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2017. – 648 с.)

Работа представляет собой рецензию на двухтомное исследование Кормчей книги (Корогодина М. В. Кормчие книги XIV – первой половины XVII века. М.; СПб., 2017. Т. 1–2), своего рода дополнением к которому служит брошюра того же автора, посвященная редакциям Кормчей западнорусского происхождения (Корогодина М. В. Кормчая книга в Галиции: (XVI – начало XVII века). СПб., 2015). Рецензент признает труд М. В. Корогодиной важным вкладом в изучение состава и эволюции главного в Древней Руси канонического свода (Кормчей). Отмечены также ценные наблюдения и выводы автора относительно целого ряда текстов, которые были связаны с историей Кормчей. На основании аналитической части рецензируемой работы и сделанных автором принципиальных выводов высказаны некоторые соображения о функциональных метаморфозах, которые претерпели византийские памятники канонического права, включенные в корпус древнерусской рукописной книжности.

Ключевые слова: закон, церковь, каноническое право, перевод, свод, редакция, учительная литература

Немного, наверное, найдется таких разделов в средневековой истории, которые столь же настоятельно требовали бы системного подхода, как история русского права – внецерковного и канонического. Поэтому можно только порадоваться, что за последние полстолетия появился набор охватывающих всю средневековую эпоху академических трудов, посвященных истории главного на Руси канонического компендиума, который, в отличие от византийского Номоканона, принято называть Кормчей (в ссылках средневековых источников чаще встречается менее определенный термин – «Правила святых отец» или просто «Правила»). В то время как классическое исследование Я. Н. Шапова [Шапов] сосредоточено на старших вариациях памятника, точнее, группы памятников (Древнеславянская, Сербская, Русская Кормчие), Л. В. Мошкова [Мошкова] впервые дала подробное описание Кормчих особого состава (Западнорусская редакция и редакция Вассиана Патрикеева), а М. В. Корогодина в рецензируемых работах рассмотрела состав и описала поштатейно целую серию редакций, включая те, что возникли на базе Сербской и Русской Кормчей, а также Кормчие особого состава, наконец, группа специалистов высшей квалификации выпустила монографию о печатной Кормчей 1650–1653 г., где, среди прочего, учитывается сложная рукописная предыстория вошедших в эту книгу текстов [Белякова, Мошкова, Опарина]. Выстроившийся таким образом представительный ряд весьма своевременно дополнила диссертация А. А. Манохина, посвященная Кормчей митрополита Даниила [Манохин], той самой, от разбора которой отказалась Корогодина. Параллельно с Кормчей в собственном смысле слова интенсивнейшим образом изучались неотделимые от ее истории «Мерило Праведное» и канонические компиляции Никона Черногорца (основную библиографию см.: [Каталог, с. 248–250, 396–398]). Вполне закономерно, что эксперты по каноническому праву, объединившись, приступили к научному изданию по старшим и наиболее архаичным спискам лежащей в фундаменте большинства редакций Русской Кормчей (т. 1, с. 51, 71, примеч. 2; см. также: [Корогодина, 2017])¹.

Как же организована занимающая почетное место в приведенном перечне книга Корогодиной (говорим о ней в единственном числе, потому что брошюра 2015 г. представляет собой лишь «довесок» к двухтомному изданию)? Аналитическая часть работы сосредоточена в первом томе ее сочинения. Исследование состоит из введения, где вкратце очерчивается проблематика всего труда, семи глав и заключения. Из этих семи глав в первой содержится историографический обзор ученой литературы о Кормчих, начиная с XVIII в.; вторая глава посвящена переломному периоду в истории книги – концу XIII – началу XIV в., когда сформировалась Русская Кормчая (Первоначальная русская редакция, согласно терминологии

¹ В новейшей историографии самостоятельного издания удостоилась только Мазуринская Кормчая, хотя и известная в русских списках, однако по происхождению – южнославянская (Мазуринская Кормчая. Памятник межславянских культурных связей XIV – XVI вв.: Исследование и тексты / Изд. подгот. Е. В. Белякова и др. М., 2002).



Корогодиной) и когда появился на свет сборник под названием «Мерило Праведное», соединивший учительную и каноническую половины, сборник, судьба которого впоследствии многократно пересеклась с судьбой Кормчей. В следующих далее главах подробно рассматриваются происхождение, состав и дальнейшее развитие целой плеяды возникших, с опорой на старшие своды, оригинальных русских редакций книги, в числе которых Мясниковская, Чудовская (в соединении с «Мерилом Праведным»), Софийская, из них последние две получили в Древней Руси наибольшее распространение. Дальше Корогодина переходит к авторским редакциям памятника — редакциям Вассиана Патрикеева и Нифонта Кормилицына; наконец, рассматриваются сводные редакции, возникшие во второй половине XVI — первой половине XVII в. (Погодинская, Никифоровская, Толстовская, Кирилло-Белозерская). В отдельно изданной брошюре 2015 г. аналогичным образом разобраны по статьям редакции, сложившиеся в Западной Руси, — Лукашевичская и Люблинская. Кроме того, по ходу дела, в соответствующих главах к сравнению привлекаются компиляции, генетически связанные с историей Кормчей книги («Власфимия»), сборники полемического (особенно антилатинские, вроде «Толстовского» сборника РНБ. О.п.1.7), нравоучительного и уставного содержания. История возникновения каждой из редакций и представляющих эти редакции списков иллюстрируется сопоставлениями параллельных мест и графическими схемами. В заключении подводятся итоги детальных наблюдений ученого о редакциях памятника и формулируются выводы о тенденциях, касающихся внутренней эволюции Кормчей книги от столетия к столетию, ее места в книжном репертуаре Древней Руси, которое тоже не оставалось неизменным (интерференция с другими сборниками церковных правил), и самое главное — о функциональном назначении свода.

Второй том сочинения Корогодиной содержит описания и разнообразные указатели, полезные не только знатокам канонического права, но и всем, кто имеет дело с древней славянской книжностью. Тут предлагается постатейная роспись всех редакций Кормчей, учтенных в первом — исследовательском — томе, за которой следует презентация каждого из списков, представляющих данную редакцию, с подробной кодикологической и палеографической характеристикой рукописи и с перечнем индивидуальных особенностей ее содержания. Далее идет каталог-инципитарий, оформленный довольно оригинально: каждая из начальных строчек одновременно служит заглавием короткой энциклопедической статьи о тексте, открываемом этой строчкой (по такому же принципу устроен каталог славянских гомилий с именем Иоанна Златоуста, см.: [Гранстрем, Творогов, Валевиčius]). Неизбежный изъян этого выбора — обозначение каждой из статей не названием текста, а его начальными словами — компенсируется отдельным указателем самоназваний. Книгу завершают традиционные индексы — указатель имен, указатель топонимов и учреждений, наконец, указатель шифров рукописей, демонстрирующий впечатляющую номенклатуру источников (без малого двести списков свода), причем источников колоссального объема (Кормчие — это всегда внушительные по величине книги), которые были освоены автором и на которых строятся его принципиальные выводы. Единственный упрек, который приходится сделать по поводу структуры рецензируемого труда, — ничем не мотивированный анализ западнорусских редакций Кормчей в отрыве от прочих — в самостоятельной книжечке. Не лучше ли было бы перепечатать этот отколовшийся от материнского ствола небольшой по объему фрагмент исследования в двухтомном издании (подобно тому, как влита во второй его том роспись содержания западнорусских редакций)?

На страницах диссертации разбросаны ценные замечания по поводу нескольких десятков оригинальных, переводных и компилятивных сочинений, так или иначе связанных с эволюцией Кормчей книги. Интересующиеся прочтут с пользой для себя разделы и наблюдения автора, посвященные таким важным текстам, как «Поучение попом», «Правило черноризцам», «Богословие о Троице», «Слово о судьях и властелях», «Епистолия на римляны», «Сказание о арменской ереси», и многие другие. Среди них и те входившие в некоторые редакции Кормчей статьи, которые подвели идеологическую базу под эпохальные события в истории Русской церкви, — переход в середине XV в. к автокефалии, независимому от Константинополя выбору московских митрополитов («Сказание о болгарской и сербской патриархиях»), и учреждение в конце XVI в. Московской патриархии («Сказание об учреждении патриаршества в России»). По результатам исследования Корогодиной существенные уточнения должны быть внесены в имевшиеся прежде сведения о жизни и творчестве целой вереницы древнерусских писателей и книжников, начиная от киевского митрополита Кирилла II и кончая публицистом, одним из первых русских стихотворцев Иваном Андреевичем Хворостининым. Поскольку Кормчая, если не брать во внимание ее смысловое

ядро, представляла собой книгу с открытой структурой, среди вносившихся туда дополнений нередко попадаются статьи, которые по содержанию мало связаны с каноническими вопросами. Ярким примером может служить список Владимиро-Суздальского музея-заповедника, № 5636/399, который отразил заключительный этап работы Вассиана Патрикеева над Кормчей и в который, между прочим, включен был комплекс переводных статей о природе царской власти. Есть основания связывать создание этого весьма экзотического комплекса, с извлечениями из античных классиков, с переводческой деятельностью Максима Грека, помогавшего Вассиану в его опусах канонического рода. Корогодина определила прежде неизвестные греческие источники нескольких статей, в числе их две, по-видимому, извлеченные из сборника, напечатанного в 1499 г. Альдом Мануцием: «Епистолиа Аристотеля философа к Александру, великому царю Макидоньскому», «Того же к тому же» (т. 1, с. 361–367; издание текстов см.: [Корогодина, 2016, с. 126–128]). Ныне отыскан источник и последней в комплексе статьи, тоже украшенной именем царя Александра («От беседы Александровы царя, яже к своему отцю царю Филиппу о царствии»). Источником этим оказалось Второе слово Диона Хрисостома («О царстве», § 65–79)², так что мы знаем теперь, кому персонально следует переадресовать обвинение митрополита Даниила, прозвучавшее на соборе 1531 г., судившем Вассиана: «а ты ныне во своих правилах еллинских мудрецов учение написал, Ористотеля, Омира, Филипа, Александра» [Казакова, с. 292].

Успехи, достигнутые, как было сказано, в изучении Кормчей как важной составляющей древнерусского письменного наследия, успехи, которым немало способствовало и рецензируемое исследование, казалось, должны были бы подвести специалистов к вполне определенным выводам о значении памятника в жизни средневекового общества. Парадоксальным образом, чем более рельефно вырисовывалась история памятника во всех его редакциях, тем больше сомнений рождалось и рождается в возможности их практического использования (ср. т. 1, с. 62–63). Авторитет, которым пользовалась в Древней Руси Кормчая книга, сомнению не подлежит: свидетельством авторитета служит уже само по себе внушительное количество рукописных книг, сохранившихся от первых веков русской письменности [Каталог, с. 395–396]. Но стоит только задаться вопросом о возможности применить находящиеся в книге тексты для решения конкретных казусов, как сомнения у непредубежденного читателя возникают неизбежно. Во всяком случае, можно считать доказанным, что никакой процессуальной значимостью не обладали включенные в Кормчую внецерковные памятники — это касается в равной мере переведенных с греческого сводов («Эклога», «Прохирон») и кодексов местного происхождения («Русская Правда»)³. Бинарная оппозиция тех и других оказывается в значительной мере фиктивной: фиктивность ее заключается не только в том, что до сих пор не найдено ни одного прецедента, по меньшей мере за XI–XIV в., когда переводные или оригинальные кодексы были бы привлечены для разбора определенного инцидента [Франклин, с. 275]. Современные ученые все чаще склоняются к мысли, что на протяжении длительного периода не только все делопроизводство Древней Руси, но и судоговорение вершилось по старинке — устно и на основе устных преданий (см. особенно: [Franklin; Долгов])⁴. Следовательно, поиски соответствующих решений в памятниках письменности заведомо обречены на неудачу. С памятниками канонического права дело обстояло несколько сложнее, что, в конечном счете, обусловлено несопоставимостью правоприменительных действий — разницей между *sanctio temporalis* и *sanctio spiritualis* [Franklin, p. 75]. О востребованности этих памятников могут свидетельствовать многочисленные ссылки на «Правила» в собственно русских сочинениях (т. 1, с. 495–497 и др.); о живом восприятии Кормчей говорят как будто и рано включенные в нее русские тексты, касающиеся конфессиональных проблем в разных жизненных ситуациях («Вопрошание Кирика», Канонические ответы митрополита Иоанна II и др.). И все-таки целая совокупность симптомов однозначно указывает на то, что Кормчая имела в древности по преимуществу ритуальное назначение. Как иначе трактовать аккумуляцию в разных редакциях Кормчей, вокруг собственно канонических разделов памятника, произведений самого разного свойства — гомилетических, полемических, экзегетических, исторических? Как иначе объяснить, почему в русской письменности, в том числе в статьях из Кормчей, неизменно стиралась грань между каноническими правилами и поучениями (см. хотя бы «Правило

² Непосредственный источник цитаты указать в данном случае нелегко, потому что не сохранилось ни одного экземпляра *editio princeps* слов Диона Хрисостома (Милан, 1476).

³ Ср. о кодексах, предлагающих в разных своих главах взаимоисключающие наказания за одно и то же правонарушение, следовательно, непригодных для судопроизводства [Франклин, с. 246–250].

⁴ Ср. последний по времени (как итог многолетней дискуссии) вывод В. М. Живова о том, что «Русская Правда» (она переписывалась в составе конфессионально значимых памятников — в летописи и в Кормчей) функционировала в устной форме, тогда как ее «письменное бытование оставалось маргинальным» [Живов, с. 316].

митрополита Максима» — т. 1, с. 141, 145)? Как по-другому оценивать упорное нежелание менять не только общую композицию книги (попытка перераспределить материал Кормчей по граням вменялась в вину как Вассиану Патрикееву, так и его идейному антагонисту Нифонту Кормилицыну: «Только, де, так писати, и еретики, де, все роскрадут» — т. 1, с. 390), но и убрать из нее лишние части, например «градстии закони», то есть «Прохирон» [Живов, с. 294]? Почему возникавшие с течением времени русские дополнения и поправки к византийским канонам, как и послания русских иерархов на церковноправовые темы, почти никогда не инкорпорировались в Кормчую книгу, в лучшем случае — приписывались в конце ее в качестве факультативных элементов (примером может служить беспрестанно будоражившее церковь «правило» митрополита Петра о вдовых попах, скорее всего, ложно ему атрибутированное, — т. 1, с. 248–250)? Почему «Стоглав» — получившие письменное выражение решения первого русского собора, ориентированного на византийскую парадигму, с участием царя, — никогда не ассоциировался с Кормчей, так что с давних пор возникали законные сомнения в канонической полноценности соборных решений? Почему все статьи русского происхождения были выброшены при подготовке печатной Кормчей [Белякова, Мошкова, Опарина, с. 249]? Наконец, не проще ли всего объяснить ритуальной функцией Кормчей ложные на нее ссылки (см., например: т. 1, с. 502–504)?

Именно этикетное понимание Кормчей, ее оторванность от животрепещущих потребностей пастырей и паствы, конфессиональных запросов как мирян, так и лиц духовного звания в полной мере проявились в специфике распространения ее рукописных копий. С одной стороны, как точно подметила Корогодина, вплоть до выхода канонического свода из печати не существовало его общепризнанного (митрополичьего, потом патриаршего) эталона (т. 1, с. 517–522). Отсутствие такого эталона заметно роняло официальный престиж памятника. С другой стороны, Кормчая, во всем многообразии ее редакций, широко распространилась по книгохранилищам монастырей, где для большинства находящихся в каноническом кодексе статей не могло найтись никакого применения. Статус Кормчей как эксклюзивного свода канонических правил вызывает сомнения и при ближайшем знакомстве с конкретными фактами из истории Русской церкви: в антиеретической кампании XV в., на соборах против Максима Грека и Вассиана Патрикеева, в новой череде соборов середины XVI в. — во всех этих эпизодах стороны редко подыскивают свои аргументы на страницах Кормчей, зато они обильно цитируют как авторитет высшей инстанции сочинения отцов церкви, агиографические писания (к примеру, Житие Саввы Сербского) и т. д. Неопровержимыми считаются ссылки на «Просветитель» Иосифа Волоцкого (т. 1, с. 514; ср. наказание, постигшее Кассиана Рязанского за неуважение к «Просветителю», — т. 1, с. 510). В совокупности сказанное убеждает, что легалистский подход к Кормчей как к юридическому памятнику, отчасти зиждящемуся на принципах римского права, существенно его модернизирует. Канонический сборник предназначался не столько для того, чтобы активно моделировать существующий мир, сколько для того, чтобы постоянно напоминать, как в идеале «должно строиться православное государство и церковь» (т. 1, с. 537).

Урок, который мы получаем, констатируя функциональную трансформацию на древнерусской почве византийского Номоканона как свода канонов в Кормчую книгу, отчасти с ритуальной нагрузкой, а отчасти с просветительским зарядом, во всяком случае, не имеющую строго юридического статуса, — этот урок полезен для адекватной оценки любой книги Древней Руси как уникального культурного феномена своего времени. Подобно тому, как памятники права, вкуче мирские и церковные, как оригинальные, так и переводные, не имели практического применения, прагматический аспект отсутствовал у целого букета переводных византийских текстов, бытовавших у себя на родине с четкой спецификацией как сочинения догматические, аскетические, мистические и др. В новом культурном окружении они представляли собой более или менее гомогенную массу и свободно соединялись в сборниках учительного характера в самом широком смысле этого слова. Ибо любая книга была на Руси по преимуществу символическим капиталом, не предусматривающим практического употребления.

Литература

Белякова Е. В., Мошкова Л. В., Опарина Т. А. Кормчая книга: От рукописной традиции к первому печатному изданию. М., 2017.

Гранстрем Е. Э., Творогов О. В., Валевицюз А. Иоанн Златоуст в древнерусской и южнославянской письменности XI–XVI веков: Каталог гомилий. СПб., 1998. (Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften. Bd 100. Patristica Slavica. Bd 4).



- Долгов В. В. Функции юридических текстов в Древней Руси: (На примере «Мерила Праведного») // ВИ. 2013. № 10. С. 91–98.
- Живов В. В. История языка русской письменности. В 2 т. М., 2017. Т. 1.
- Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960.
- Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв.: (Рукописные книги) / Отв. ред. Д. М. Буланин. СПб., 2014.
- Корогодина М. В. Переводы с греческого языка в Кормчей Вассиана Патрикеева // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 3 (65). С. 118–132.
- Корогодина М. В. Подготовка и издание Кормчей книги по древнейшим спискам: Замысел и воплощение // Академическая археография в России XVIII–XXI веков: (Тихомировские чтения 2016 года: К 60-летию Археографической комиссии РАН). М., 2017. С. 225–235.
- Манохин А. А. Сводная Кормчая митрополита Даниила и ее место в каноническом праве. АКД. М., 2018.
- Мошкова Л. В. Приложение: Кормчие особого состава // Каталог славяно-русских рукописных книг XVI века, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов. М., 2005. Вып. 1: Апостол – Кормчая. С. 315–498.
- Франклин С. Письменность, общество и культура в Древней Руси: (Около 950–1300 гг.) / Пер. с англ. СПб., 2010.
- Цзапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978.
- Franklin S. On Meanings, Functions and Paradigms of Law in Early Rus' // Russian History / Histoire russe. 2007. Vol. 34. № 1–4. P. 63–81.

References

- Beljakova, E. V., Moshkova, L. V., Oparina, T. A. Kormchaja kniga: Ot rukopisnoj tradicii k pervomu pechatnomu izdaniju [Kormchaja Codex: From the Manuscript Tradition to the First Printed Edition]. M., 2017. 496 p.
- Granstrom, E. Je., Tvorogov, O. V., Valevichjus, A. Ioann Zlatoust v drevnerusskoj i juznoslavjanskoj pis'mennosti XI–XVI vekov: Katalog gomilij [John Chrysostom in Old Russian and South Slavonic Writings of the 11th – 16th Centuries: Catalogue of the Homilies]. SPb., 1998. 216 p. (=Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften. Bd 100. Patristica Slavica. Bd 4).
- Dolgov, V. V. Funkcii juridicheskikh tekstov v Drevnej Rusi: (Na primere “Merila Pravednogo”) [The Functions of Law Texts in Old Russia: (The Case of “Merilo Pravendoe”).] In *Voprosy Istorii*. 2013. № 10. pp. 91–98.
- Franklin, S. On Meanings, Functions and Paradigms of Law in Early Rus'. In *Russian History / Histoire russe*. 2007. Vol. 34. № 1–4. pp. 63–81.
- Franklin, S. Pis'mennost', obshhestvo i kul'tura v Drevnej Rusi: (Okolo 950–1300 gg.) [Writing, Society and Culture in Early Rus': (Ca. 950–1300)] / Per. s angl. SPb., 2010. 552 p.
- Katalog pamjatnikov drevnerusskoj pis'mennosti XI–XIV vv.: (Rukopisnye knigi) [Catalogue of Old Russian Written Texts from the 11th – 14th Centuries: (Manuscript Codices)] / Bulanin, D. M. (ed.). SPb., 2014. 944 p.
- Kazakova, N. A. Vassian Patrikeev i ego sochinenija [Vassian Patrikeev and His Writings]. M. – L., 1960. 364 p.
- Korogodina, M. V. Perevody s grecheskogo jazyka v Kormchej Vassiana Patrikeeva [Translations from the Greek in Vassian Patrikeev Kormchaja]. In *Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki*. 2016. № 3 (65). pp. 118–132.
- Korogodina, M. V. Podgotovka i izdanie Kormchej knigi po drevnejshim spiskam: Zamysel i voploshhenie [On the Preparation and Publication of the Kormchaja Codex on the Base of Its Oldest Copies: The Project and Its Realization]. In *Akademicheskaja arheografija v Rossii XVIII–XXI vekov: (Tihomirovskie chtenija 2016 goda: K 60-letiju Arheograficheskoj komissii RAN)*. M., 2017. pp. 225–235.
- Manohin, A. A. Svodnaja Kormchaja mitropolita Daniila i ee mesto v kanonicheskom prave [Composite Kormchaja of Daniel Metropolitan and Its Place in the History of Canon Law]. AKD. M., 2018. 18 p.
- Moshkova, L. V. Prilozhenie: Kormchie osobogo sostava [Appendix: Kormchie of the Individual Structure]. In *Katalog slavjano-russkikh rukopisnyh knig XVI veka, hranjashihhsja v Rossijskom gosudarstvennom arhive drevnih aktov. Vyp. 1: Apostol – Kormchaja*. M., 2005. pp. 315–498.
- Shhapov, Ja. N. Vizantijskoe i juznoslavjanskoe pravovoe nasledie na Rusi v XI–XIII vv. [Byzantine and South Slavonic Juridical Heritage in Rus' of the 11th – 13th Centuries]. M., 1978. 292 p.
- Zhivov, V. V. Istorija jazyka russkoj pis'mennosti [The History of the Language of Russian Written Texts]. V 2 t. M., 2017. T. 1. 816 p.

Dmitrii M. Bulanin
*Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the Russian Academy of Science,
Saint Petersburg, Russia*

THE HISTORY OF OLD RUSSIAN *KORMCHAIA* IN THE 14th – THE FIRST HALF OF THE 17th CENTURY

This is a review of the two-volume study of *Kormchaia* codices (Korogodina M. V. *Kormchie knigi XIV – pervoi poloviny XVII veka*. M.; SPb., 2017. Vol. 1–2), together with a kind of separate supplement compiled by the same author, this supplement dealing with the versions of *Kormchaia* of West Russia origin (Korogodina M. V. *The Kormchaia kniga v Galitsii: (XVI – nachalo XVII veka)*. SPb., 2015). The reviewer appreciates the work by M. V. Korogodina as an important contribution to the study of the composition and evolution of the main canonical codex of Old Rus' (*Kormchaia*). There are noted as well valuable observations and findings of the author concerning quite a number of extraneous texts that have been involved in the history of the *Kormchaia*. On the basis of the analytical part of the reviewed work and the principal conclusions formulated by the author, some considerations have been expressed about the functional metamorphoses of the Byzantine canon laws, after they have been included in the *corpus* of the Old Rus' handwritten books.

Key words: law, Church, canonical rule, translation, codex, version, soul saving literature